

Епифанов А. Ю., г. Уфа

Современная коррупция в России

Сегодня взгляды государства и общества на коррупцию в целом остаются весьма разнообразными. Существуют разные мнения о причинах возникновения, значении и степени влияния данного явления на государственные и общественные институты, что во многом объясняется тем, кем исследуются вопросы коррупции – экономистами, социологами, политологами или правоведами. Также есть и бытовое понимание коррупции, которое формируется на основе опыта населения. К сожалению, отсутствие согласованности, единообразия затрудняет формирование относительно универсального понятия, что, в свою очередь, объективно ограничивает и выработку более эффективных механизмов противодействия ее распространению.

Известно, что в основе термина «коррупция» лежит латинское слово «*corruptio*», означающее в буквальном переводе «подкуп, порчу» (однокоренным в этом смысле является слово «коррозия»). В целом этот перевод дает общее представление о сущности коррупции – порче или коррозии власти путем ее подкупа – с точки зрения рассмотрения ее в качестве социального явления, коим она, безусловно, является.

Латинско-русский словарь, составленный И. Х. Дворецким, кроме вышеуказанных значений приводит и такие значения, как «сворачивание, упадок, извращение, плохое состояние, превратность (мнения или взглядов), а также расстраивать, повреждать, приводить в упадок, губить, разрушать, обольщать, соблазнять, развращать, искажать, фальсифицировать, позорить, бесчестить» [4, с. 142].

Кандидат юридических наук Г. К. Мишин, вопреки утверждениям большинства пишущих по этим вопросам авторов, считает, что латинский термин «*corruptio*» происходит от двух корневых слов «*cor*» (сердце; душа, дух; рассудок) и «*ruptum*» (портить, разрушать, развращать). Поэтому суть коррупции не в подкупе, продажности публичных и иных служащих, а в нарушении единства (дезинтеграции, разложении, распаде) того или иного объекта, в том числе государственной власти [8, с. 49].

Одно из наиболее кратких, но достаточно емких определений коррупции дает Словарь иностранных слов: это «подкупаемость и продажность государственных чиновников, должностных лиц, а также общественных и политических деятелей вообще» [10, с. 157].

Необходимо отметить, что для правильного понимания сущности этого явления вышеуказанная характеристика коррупции недостаточна. Сведение коррупции к проявлению корыстолюбия, продажности, подкупаемости чиновников, должностных лиц, политических и общественных деятелей затрудняет сделать правильный выбор средств и методов для борьбы с ней. Корыстолюбие и основанные на нем понятия подкупаемость и продажность –

субъективны. Эти качества нередко встречаются не только у должностных лиц, но и у людей, не относящихся к вышеуказанным категориям.

Не являясь равнозначными по степени общественной опасности с корыстолюбием и подкупаемостью чиновников, они, в силу своей распространенности, создают условия для осуществления и сокрытия конкретных фактов коррупции и тем самым затрудняют борьбу с ней. Достаточно сказать, что чиновник-взяточник не смог бы реализовать умысел на получение взятки без заинтересованности в ней взяткодателя и посредника. Взаимная же заинтересованность этих лиц в сокрытии фактов взяточничества – одно из основных препятствий на пути доказывания их обстоятельств.

Распространенность корыстных побуждений иногда приводит к признанию коррупции постоянно самовоспроизводящимся явлением, коренящимся в недрах самого уклада социальной жизни, не признающим культурно-этнических и территориальных границ, и тем самым невозможности ее быстрого и устойчивого низведения до социально-незначительного уровня и искоренения на основе целевой программы [7].

Безусловно, что с таким пониманием коррупции, равным образом, как и признанием ее следствием цивилизации [3], согласиться нельзя. Хотя приведенный вывод и базируется на фактах неэффективности борьбы с коррупцией во времена Российской империи (первое законодательное ограничение коррупции Иваном III; введение смертной казни за чрезмерное взяточничество Иваном Грозным; отдача Алексеем Михайловичем двух коррупционных министров Плещеева и Траханнотова на растерзание толпы во время антикоррупционного бунта в 1648 году и т. д.), он не может и не должен быть положен в основу антикоррупционной политики в настоящее время, служить основанием для отказа от борьбы с этим общественным злом.

Отказ от программ по искоренению коррупции, сведение борьбы с ней лишь до уровня ее ограничения приведут к новой, более высокой коррупционности аппарата государственной власти и управления и его полной непригодности для решения стоящих перед государством задач, а это значит, что антикоррупционная политика должна быть направлена не на ограничение, а на борьбу с коррупцией, совершенствование средств и методов борьбы.

Первым условием, необходимым для решения данной задачи, является правильное определение сущности коррупции, так как без этого невозможно ни формирование задач борьбы с коррупцией, ни определение ее средств и методов.

Коррупцию нередко отождествляют со взяточничеством, однако, как отмечает А. В. Куракин [6], понятие коррупции значительно шире. Как социальный феномен она охватывает все формы злоупотребления властью, при которых должностные полномочия используются в личных или вносящих материальный характер интереса третьих лиц, групп. Перечень

форм этих злоупотреблений зависит не только от отношений, регулируемых той или иной отраслью права, но и от условий их осуществления.

Изменение форм собственности и переход к рыночной экономике влекут за собой не только изменения, но и появление новых форм коррупции, ее разрастание, повышение уровня коррупционности аппарата государственной власти и управления. Пробелы законодательства и свойственное периодам перехода государства от одного экономического уклада к другому несовершенство регулирующих правовых норм используются для придания коррупции вида законной деятельности и тем самым затрудняют ее выявление и раскрытие. Эти обстоятельства дали основания некоторым авторам рассматривать коррупцию в качестве союза зарождающегося класса собственников и разлагающейся политической элиты [9] или синтетического, социального и криминологического понятия, включающего в себя совокупность не только родственных уголовно наказуемых деяний, но и злоупотреблений, предусмотренных нормами административного, трудового, финансового, гражданского законодательства [1, с. 8].

Аналогичное содержание вложено в это понятие в Федеральном законе «О противодействии коррупции», принятом 25 декабря 2008 года: «Коррупция – это злоупотребление служебным положением, дача взятки, получение взятки, злоупотребление полномочиями, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу физическими лицами, а также совершение деяний от имени или в интересах юридического лица». В законе определен контроль имущественного положения государственных служащих и судей. Координировать работу правоохранительных органов станет Генеральная прокуратура РФ, где не исключают ужесточения уголовных мер, в частности введения конфискации имущества.

В литературных источниках называются и другие составляющие коррупцию действия: присвоение или растрата вверенного имущества, злоупотребление властью и другие деяния, включая деяния политической коррупции [5].

Анализируя приведенные определения понятия коррупции, прежде всего, следует отметить их неоднозначность в определении форм ее проявления. Как отмечалось ранее, перечень этих форм не остается неизменным как в силу изменения условий и возможностей их использования, так и в силу неоднозначности подхода различных государств к вопросу криминализации злоупотребления властью или служебными полномочиями должностных лиц.

Следует отметить также, что, несмотря на различное содержание, все определения исходят из понимания коррупции как отдельных или совокупных корыстных преступлений должностными лицами-одиночками. Ни в одном из определений нет указания на признак совершения коррупционных преступлений организованными группами должностных лиц.

В действительности же почти каждое из коррупционных преступлений совершается несколькими, определенным образом связанными между собой, лицами, заранее планируется и тщательно готовится.

Таким образом, правовые и криминалистические средства и методы борьбы с коррупцией должны быть направлены на выявление ее отдельных проявлений, расследование, в том числе и их судебное рассмотрение, разрешение возбужденных по фактам взяточничества, должностных хищений и других коррупционных преступлений, уголовных дел. Однако основная задача заключается не столько в выявлении ее отдельных проявлений, расследовании и судебном разрешении возбужденных по фактам этих проявлений уголовных дел, сколько в выявлении и доказывании связей и взаимосвязей, выявленных коррупционных преступлений, лиц на государственных должностях с организованными преступными группами, обстоятельств создания этих групп и участия в их преступной деятельности.

Без решения этих задач успех борьбы с коррупцией обеспечен быть не может. Поэтому нельзя согласиться с высказанным в литературе мнением, что основным признаком коррупции является использование должностными лицами своих служебных полномочий либо власти для незаконного приобретения для себя или близких лиц дополнительных материальных либо иных благ [2, с. 3].

В качестве основного такой признак может быть использован для характеристики взяточничества, должностных хищений, незаконного участия в предпринимательской деятельности и других, отдельных коррупционных преступлений. Но он не исчерпывает содержания и сущности самой коррупции как общественно опасного деяния, посягающего на безопасность государства, его политические, экономические, правовые, организационные и иные основы, подрывающего доверие населения к органам государственной власти и управления. Поэтому основным признаком коррупции следует считать не само злоупотребление властью, служебными полномочиями в корыстных целях, а его системность и организованность. Без учета этого признака любое из определений может характеризовать отдельные проявления, но не саму коррупцию, отличающуюся от каждого из этих проявлений не только по степени общественной опасности, но и по признакам состава преступления. Например, если объектом взяточничества является государственная, общественная или частная собственность, то объектом коррупции – экономическая, политическая, правовая и иные основы государства, установленный в нем порядок. Если объективная сторона взяточничества выражается в даче, получении или посредничестве во взятке, то объективная сторона коррупции – в организации преступных

групп из числа должностных лиц в целях обеспечения условий для системы взяточничества, хищений и других корыстных преступлений путем злоупотребления властью или служебными полномочиями, в руководстве этими группами, участии в совершаемых ими преступлениях корыстной направленности.

Понятия «коррупционное преступление» и «коррупция» не тождественны: если первое означает конкретное, совершенное путем злоупотребления властью должностного лица, корыстное деяние, то второе – организацию из числа этих лиц, преступных групп корыстной направленности, руководство этими группами и их преступной деятельностью, непосредственное участие в совершаемых группой корыстных преступлениях.

Коррупцию необходимо рассматривать не как отдельно взятое деяние или совокупность корыстных деяний должностных лиц, а как форму организованной должностной преступности и основанного на ней незаконного обогащения. Сущность коррупции заключается не столько в злоупотреблении властью или служебными полномочиями должностных лиц-одиночек, сколько в организации этого злоупотребления, создании системы из числа лиц, организованных преступных групп корыстной направленности, в руководстве этими группами и осуществляемой ими преступной деятельностью.

Создавая преступные группы, их организаторы и руководители принимают меры, необходимые не только для повышения эффективности преступного бизнеса, но и для обеспечения его безопасности. С этой целью в состав коррупционных групп нередко вовлекаются должностные и иные лица, работающие в органах, осуществляющих борьбу с экономической преступностью и могущих быть использованными в целях подготовки, совершения и сокрытия фактов коррупции в органах власти и управления. В этих же целях используются и коррупционные связи участников преступных групп.

Коррупционные связи государственных чиновников с организаторами преступного бизнеса во многих случаях осложняют выявление этих групп, обеспечивают возможность нейтрализации отдельных особо опасных для них сотрудников и даже целых подразделений правоохранительных органов и тем самым обеспечивают безопасность преступных операций. Поэтому, говоря о коррупции, необходимо иметь в виду не только злоупотребление властью или служебными полномочиями лиц, входящих в состав коррупционных групп, но и их связей, оказывающих содействие в создании и организационном укреплении этих групп, осуществлении и сокрытии их преступной деятельности.

Поскольку коррупция является особо опасной формой злоупотребления властью или служебными полномочиями в корыстных целях, характеризуется собственными признаками состава преступления, отличающимися ее от взяточничества и других должностных преступлений,

следовало бы включить в Уголовный кодекс Российской Федерации статью, определяющую сущность коррупции и ответственность за ее совершение.

Диспозиция этой статьи могла бы иметь следующее содержание: «Коррупция – организация преступных групп должностных лиц, злоупотребляющих властью или служебными полномочиями, в целях совершения взяточничества, хищений и других особо опасных преступлений корыстной направленности, руководство этими группами и совершаемыми преступлениями. Участие в этих преступлениях наказывается...».

Включение такой статьи в УК РФ позволило бы сосредоточить внимание правоохранительных органов на выявлении и расследовании ее особо опасных проявлений – организованной коррупции, причин и условий перерастания отдельных злоупотреблений властью или служебными полномочиями в заранее спланированную обеспеченную мерами безопасности систему, на устранении этих причин и условий и создании возможностей успеха борьбы с этим общественным злом.

Список использованных источников

1. Волженкин, Б. В. Коррупция. Современные стандарты в уголовном праве и процессе / Б. В. Волженкин. – СПб., 1998.
2. Гаухман, Л. Д. Законодательное обеспечение борьбы с коррупцией / Л. Д. Гаухман // Журнал Российского права. – 2000. – № 3.
3. Гладких, В. И. Коррупция в России. Генезис, детерминанты и пути преодоления / В. И. Гладких // Российский следователь. – 2001. – № 3, с. 31–36.
4. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – М., 1976.
5. Кабанов, П. А. Коррупция и взяточничество в России. Исторические, криминологические и уголовно-правовые аспекты / П. А. Кабанов. – Нижнекамск, 1995.
6. Куракин, А. В. Государственная служба и коррупция / А. В. Куракин // Российский следователь. – 2002. – № 6, с. 8–14.
7. Лопатин, В. Н. О системном подходе в антикоррупционной политике / В. Н. Лопатин // Государство и право. – 2001, с. 23–36.
8. Мишин, Г. К. Коррупция: понятие, сущность, меры ограничения / Г. К. Мишин. – М., 1991.
9. Ручкин, О. Ю. Взаимосвязь коррупции и незаконного предпринимательства на современном этапе экономических преобразований в России / О. Ю. Ручкин, Г. Н. Ручкин // Российский следователь. – 2002. – № 9, с. 19–33.
10. Толковый словарь иностранных слов. – М., 1998.

Ерёмина И. С., г. Хабаровск

Борьба с рейдерством в Российской Федерации

Рейдер – в буквальном переводе с английского означает «мародёр», «захватчик», набег. Ещё значение этого слова – военный корабль, в одиночку уничтожающий транспортные и торговые суда противника.

Сейчас у рейдерства появилось ещё одно значение. Рейдерство – одна из форм корпоративных слияний и поглощений. Слияния и поглощения